

Холодяков Даниил
г. Ярославль
Ярославская область

«Я с удивлением узнал, что...»

«Я с удивлением узнал, что...» Как замечательно придумали тему организаторы этого конкурса! Такая чудесная возможность задуматься и над тем, что ты знаешь, прочитал, услышал, нашёл в учебнике или в бабушкиной памяти, и над тем, что стало привычным, повседневным, кажется естественным, а на самом деле таит столько невероятного. Казалось, чем можно удивить современного молодого человека? Чудеса техники? Новые изобретения? Научные открытия? Невероятные приключения на экране в формате 3D? Ведь мы так привыкли к тому, что мир постоянно меняется с невероятной быстротой, что известие о неудачном запуске ракеты к Марсу воспринимается как досадная ошибка: «Надо же, сбой в программе! Вот недокрученные юзеры, или, вернее, лузеры!» - так большинство восприняло эту информацию, и никто не воскликнул удивлённо: «Что, ракета к Марсу должна была лететь? Неужели к Марсу? Вот ведь чудо!»

Я тоже думал, что удивить меня вряд ли чем можно. Наша семья: папа, мама, я, мой брат и младшая сестрёнка – ярославские горожане в третьем, а по папиной линии в пятом поколении. Мы очень любим свой город, часто в свободные минуты гуляем по его старым улицам, находим удивительные закоулки, где сохранились приметы старого города: то это огромные кованые петли на калитке в дворике на улице Терешковой (а как замечательно она раньше называлась – Голубятная!), то старый-престарый и толстый-претолстый дуб на окраине Среднего посёлка, то вросшая в землю и облюбованная окрестными мальчишками для игр древняя «Победа» без колёс в тихом переулке – всё это мы отыскивали в своих прогулках. Я считал, что про свою «малую» родину и про свои корни: дедушек, бабушек – я знаю если не всё, то очень много, но однажды мама задумчиво сказала: «В Ростов хочу – просто сил нет!» И папа подхватил: «Давно пора съездить, хоть детям покажешь, уже подросли, поездку выдержат!» Выдержат – это значит едем надолго, может, даже с ночёвкой у дальней ростовской родни – так нам объяснили родители, и мы радостно начали собираться. Были мы тогда, в эту первую поездку в Ростов, ещё маленькими, мы с братом только пошли в школу, а сестрёнка с ворчанием ходила в детский садик и мечтала о школе – там тихого часа нет. И вот тут-то я с удивлением узнал, что был у нас ростовский прадед,

которого маленькая мама очень любила и дом которого обещала нам показать. И мы стали ждать выходных – ехать в Ростов!

Вокзал в Ростове приятно удивил: очень нестандартный, запоминающийся, но я представил на его месте совсем другой, тот, который вообразил, когда слушал в электричке мамин рассказ о том, как встретились мои прадед и прабабушка, и я с удивлением узнал, что это была, действительно, фантастическая встреча.

Поздняя осень, тридцатые годы. Холодно, пронизывающий ветер дует вдоль железнодорожных путей, хочется спрятаться от него куда-нибудь в тепло, но молодая женщина с грудным ребёнком на руках даже не пытается войти в деревянное здание вокзала: оно переполнено людьми, пытающимися уехать. Поезда ходят по расписанию, а вот сесть в них можно только при условии, если есть нужные документы – просто так билеты не продают, поэтому, когда появится состав, к нему бросаются люди, нужно не просто сесть, а устроиться, пробиться, хотя бы прицепиться, а патрули отгоняют, иногда кого-то уводят, и все затихают ненадолго, а потом опять упрашивают, ругаются, умоляют...

Женщина с трудом находит место возле забора, где не так дует, садится на узелок с вещами и укачивает заплёвывающегося в плаче младенца, стараясь укрыть его своим пальцем – ей самой вовсе не холодно, наоборот, её мучает страшный жар, голова кружится, глаза закрываются, но она изо всех сил сопротивляется желанию лечь и уснуть, потому что понимает, что может больше не встать, а что тогда будет с ребёнком?

Парень в форме железнодорожника с фонарём в руке подошёл неожиданно, молча долго посмотрел на неё, потом сказал:

- Что, пойти-то некуда, своих-то нет здесь?

- Никого нет, - ответила женщина, не поднимая невероятно тяжёлой головы.

- А муж твой где? – удивлённо спросил парень.

- Пропал....

- Да, дела... Теперь многие пропадают... А сама куда? – спросил парень.

- Не знаю. Села в поезд, думала доехать к родным, но в вагоне стало плохо, соседи закричали, что у меня тиф, вывели из вагона, даже чемодан не успела взять, только свёрток с пелёнками подхватила, и теперь...

Женщина вдруг неожиданно для себя самой в голос зарыдала, прижимая к себе свёрток с ребёнком. Парень отпрянул, потом поднял путевый фонарь, осветил плачущую.

Перед ним была совсем девчонка, синие, бескровные то ли от голода, то ли от болезни губы по-детски кривились, слёзы бежали без остановки по впалым щекам, а потом на её плач пронзительно, словно захлёбываясь, отозвался малыш, и парень не выдержал:

- Будет реветь-то, ещё патруль накличешь, подумают, что тиф, заберут в лазарет, а что с ребёнком будет? Документы-то есть?

Она мгновенно перестала плакать и вскинула голову, в страхе глядя на него, а парень вдруг произнёс потрясённо:

- Господи, а глазищи-то у тебя в пол-лица!

Потом вдруг решительно потянул её за плечо:

- Вставай, со мной пойдёшь, здесь вам пропадать, на ночь патрульные всех без документов забирают, а у тебя поди-ка ни одной бумажки-то нет!

Она в ужасе вскочила – документов у неё не было. Парень решительно взял у неё кричащего ребёнка, который вдруг замолк в его руках.

- Вишь, признал, своих враз почуял. Как звать-то будем сынка?

- Ванечка!

- А саму-то как величают?

Она нерешительно улыбнулась бескровными губами и ответила:

- Лидия Андреевна...

Парень захохотал:

- Значит, так и звать будем, Лидия Андреевна! А меня Колей кликать будешь, я человек простой, не белая кость – ты-то, поди, из «бывших»? Отца и мужа-то «Ваше благородие» прозывали?

Женщина испуганно остановилась, но парень, прижимая к себе попискивающий кулёк с младенцем, решительно мотнул головой и зашагал дальше, потом обернулся и твёрдо сказал:

- Не бойсь, Лидия Андреевна, не обижу ни тебя, ни Ваню нашего!

Так встретились в Ростове мои прадед и прабабушка. А дальше моя мама рассказывала о том, как Николай выхаживал больную, доставал для младенца козье молоко, учил городскую жену управляться с русской печкой, как впервые она робко назвала его Колей, как родились у них ещё три сына, и одним из них был мой дед Михаил, как бежали подросшие парни с отцом на охоту и на рыбалку, как не позволял прадед своей жене ничего

тяжёлое делать, всё сам, а потом и мальчики воду носили, дрова кололи, огород копали, а Лидия Андреевна – так звали её все, и соседи, и многочисленная ростовская родня, и муж упорно так именовал – развела дивный сад, как щедро усыпан был двор яблоками и грушами, как в этом саду собирала Лидия Андреевна своих сорванцов, отмывала, усаживала за стол и читала Гоголя, Лермонтова, Пушкина, да так читала, что мой дедушка Миша совершенно спокойно в обычном разговоре вдруг вставлял:

Дика, печальна, молчалива,

Как лань лесная, боязлива,

Она в семье своей родной

Казалась девочкой чужой...

Всё это я с удивлением узнал, пока мы ехали в Ростов – родной город моих прежде незнакомых, но таких близких теперь прадеда и прабабушки – я улыбнулся: Коли и Лидии Андреевны!

Я с удивлением увидел в ту давнюю поездку город, который так любила мама, о котором весь путь в электричке рассказывала, вспоминая уютные улочки своего детства, дома с резными наличниками, яблони во дворах, качели рядом с домами, церковь, в которой крестили её отца, моего дедушку, но всё это было в её рассказах, а наяву я увидел разбитые дороги, страшный, какой-то разгромленный центр города, Торговые ряды, так похожие на наши, сохранившиеся в Ярославле, но выглядевшие так, словно... «Монголы только что их взяли штурмом», - мрачно высказался мой брат, увлекающийся историей средних веков на Руси. А сестрёнка на всякий случай взяла папу покрепче за руку и опасливо спросила: «Баба- Яга точно не вылетит?» - и показала деревянный обгоревший полуразобраный домишко.

Страшные обшарпанные стены, грязные и даже разбитые окна, обвалившаяся штукатурка и растоптанные ступени лестниц... «Сделай что-нибудь, ведь это у них в памяти останется навсегда!» - это я услышал, как мама шептала папе, и папа вдруг резко сменил тему разговора (а он всё объяснял, что у города не хватает денег на реставрацию, что скоро всё изменится...) и скомандовал: «Кто первый добежит вот до того угла – тот приятель Алёши Поповича, а кто последний – тот старый ёжик!» – последним, конечно, был папа, и только теперь я понимаю, какой он у нас хитрый и умный, потому что победа в беге была не главным событием, главное нас ждало впереди, потому что когда мама подошла к нам,

запыхавшимся, но довольным и громко повторявшим хором: «А у нас есть ёжик, а у нас есть ёжик!» - папа вдруг сказал: «А теперь все взялись за руки и сделали шаг вперёд, вот за угол этого дома, только, чур, вместе!»

И мы сделали этот шаг! И я с удивлением узнал... нет, не так! Я, и мой брат Ромик, и сестрёнка Поинка, и папа с мамой с восхищением, с восторгом, с каким-то потрясением даже не глазами, а душой увидели белые крепостные стены, резные башенки, золотые купола, которые плыли, парили, возносились над синей огромностью озера. Это было чудо! Это был настоящий Ростов – тот Ростов, который оставил где-то далеко за спиной разбитые улицы, грязные стены, выбитые окна и гордо смотрит в наш мир с высоты своих куполов, с высоты своих одиннадцати веков великой, славной, иногда трагической и страшной, но гордой истории! Это был тот Ростов, который называется Великим, и только теперь я с удивлением узнал, почему он носит такое имя – он, действительно, имеет на это право! И я ещё раз с удивлением узнал, что красота природы и города может соединиться в какую-то невероятную... так и хочется написать слово ГАРМОНИЮ, которую ты видишь глазами, а воспринимаешь всё-таки сердцем! Наверно, именно поэтому произошло в старом Ростове это невероятное событие, о котором я узнал от мамы, а она с явным наслаждением входила в роль проводника во времени: она не просто шла с нами по улицам, она открывала для себя и для нас тот милый, уютный, добрый город, который прятался в её памяти, а теперь возникал снова во всей красе. А когда мы прошли городские валы, подошли к храму, мама воскликнула: «Да вот же она, Вознесенская церковь, я же узнаю её!» А вокруг был старый Ростов: домики, окружённые яблонями, а каждое дерево было усыпано крупными, какими-то удивительно яркими яблоками, а с вала открывался удивительный вид, прямо как в сказке: направо пойдёшь – к чудо-озеру выйдёшь, налево пойдёшь – к храму придёшь, и я с удивлением узнал, что храм Вознесения Христова построен на месте упокоения удивительного человека, которого при жизни считали юродивым (сейчас бы сказали просто: сумасшедшим), а после его смерти назвали святым, и именно с ним произошло это необычное событие, о котором я с удивлением узнал и хочу рассказать.

Мы долго ходили вокруг храма, не решаясь войти, ведь служба давно окончилась, но из храма вышла бабушка, которая сказала: «А что же вы не входите, дети? Ведь детям всегда храм открыт!» И мы вошли, а она дала каждому из нас по свечке, чтобы поставить во здравие всех родных, а папа с мамой поставили в поминовение, а бабушка незаметно сунула

сестрёнке конфету и подвела нас к каменной гробнице, велела приложить ладошку, помолчать и попросить у батюшки Исидора, чтобы даровал доброе сердце и незлобивый нрав. Мы, открыв глаза и рот, смотрели на неё, а она спросила:

- Что, не знаете про Исидора? Тогда слушайте!

И она нараспев, чуть даже покачиваясь, принялась рассказывать о том, как в давние-давние времена в немецкой земле родился у богатых родителей сынок, который сначала был таким же, как все: ел сытно, пил сладко, до обеда дремал, после обеда потягивался, и предстоял ему обычный путь в жизни, стал бы он, как отец, торговцем, в меру хитрил, в меру обманывал, откладывал бы серебро к серебру, золото к золоту... Но подросток вдруг стал совершать дела безумные. «Это они, немцы, так считали, - продолжала бабуля, - они ведь католики, им главное – чтобы был богат да знатен, а юноша все свои деньги раздал бедным, да и ушёл с одной палочкой, в одной рубахе странствовать. Долго ли ходил, коротко ли, но добрёл до Руси, а там и до Ростова, и так ему здесь приглянулось, так душевно показалось, что упросил он, чтобы его в православную веру окрестили, сделал себе хижинку, да и стал жить тихо и мирно. Днём с ребятами всё играл, ночью молился, тайно силой, от Бога данной, людям помогал, да и судьбы людские предсказывал, и так всё точно по его словам выходило, что назвали его Исидор Твердислов, это значит, что его слово всегда твёрдое, как он тебе сказал, так и будет».

Потом бабуля рассказала о чудесной кончине Исидора, когда весь город вдруг с удивлением ощутил удивительное благоухание – «Наверно, ангелы за душой безгрешной прилетели», добавила бабушка – и город понял, что потерял что-то очень важное, и решила горожане поставить на месте хижины Исидора храм, в котором мы сейчас и стоим, прижав ладошки к могильному камню святого. И я с удивлением узнал, понял, что произошло с этим немцем, оказавшимся в глубине России: он был очарован этой красотой, белыми стенами монастыря, синей гладью озера, тишиной и уютом двориков – так и остался он здесь навсегда, а потом стал почитаемым святым за свою доброту, любовь к детям и стремление помогать людям. И так здорово, что мы пришли в этот храм, где крестили малыша – моего деда, а потом он, наверно, по совету какой-нибудь такой же вот бабушки, прижимал ладошку к надгробному камню доброго Исидора и просил у него что-то очень важное: долгих лет родителям, выздоровления маленькому брату – и чтобы отец наконец-то взял его на охоту. А теперь к этому же камню прижимаем свои ладони мы, его внуки, и я с

удивлением узнал, почувствовал, что ведь есть такая неразрывная цепь во времени, и мы – одно из звеньев этой цепи, которую сейчас крепит святой Исидор!

А потом мы пошли в музей, и я с удивлением узнал, что музей может быть невероятно интересным. Ростовский музей такой уютный, небольшой, но очень увлекательный, «репрезентативный, то есть представительный, отражающий истинное состояние явления» - так умным голосом сказал папа, а потом пояснил: «Пройдешь очень интересный зал и видишь: вот первые поселения, вот ладья викингов, вот меч и молоток, и понятно: так жили, торговали, воевали здесь люди». Но больше всего мне запомнился удивительный стенд, посвященный гордой и мученической смерти князя Василько Ростовского. Мы долго стояли возле этого стенда, и я с удивлением узнал... с неприятным удивлением... что этому герою отведено так мало места в экспозиции музея! Да нет, не так я говорю, всё на самом деле ещё хуже: я с удивлением узнал, понял, что Василько Ростовский просто неизвестен огромному большинству и ростовчан, и ярославцев! А ведь его судьба – готовый сюжет для потрясающе интересного, захватывающего трагического фильма, книги, спектакля или хотя бы телепередачи! Ведь это какая-то глупость: спроси любого мальчишку хоть в Ростове, хоть в Москве, кто такой Робин Гуд, и он выдаст ответ: благородный разбойник, грабил богачей и помогал беднякам! А вот кто такой Василько Ростовский, знает только мой влюблённый в историю брат. И папа, конечно. А было это так...

Далёкий и беспощадный для Руси XIII век. Страшный вал непобедимой степной конницы разливается по русским княжествам. Взята штурмом гордая Рязань, первая испытала остроту монгольских сабель. Уже захвачены многие города Залесской Руси. Рушатся стены стольного Владимира... Погибают в пламени Успенского собора последние защитники... А где же князь Георгий?

В глубине лесов на реке Мологе Владимирский князь пытается собрать оставшиеся силы. Идут к нему дружины князей Ярославского, Угличского, Ростовского, но поздно: уже отыскивали их монголы, налетели, опрокинули наскоро собранные полки... Кто-то бежит, спасаясь, кто-то сражается отчаянно, и среди этих последних храбрецов – князь Василько Ростовский. Летописец о нём говорит так: он был красив лицом, имел ясный и вместе с тем грозный взгляд, был необыкновенно храбр, отважен на охоте, сердцем легок, к своим боярам и дружине ласков; боярин, который ему служил, уже не мог быть у других князей: так Василько любил своих приближённых. На заснеженных берегах Мологи собрал Василько

вокруг себя уцелевших воинов – уже не чтобы победить, но лишь отдать свою жизнь подороже, сохранить честь воинскую... Бьются русичи в кольце ордынцев, один за другим падают под саблями верные воины, но меч князя Василько по-прежнему тяжело рушится на головы подступающих врагов, ведь есть ещё сила, есть удадь... только на плечи князя ложатся метко брошенные арканы, падает князь под торжествующие вопли, задавленный толпой врагов...

Очнулся князь в шатре хана. Трое держали за плечи, не давая встать с колен, выпрямиться во весь богатырский рост, но хан движением ладони отвёл стражу, улыбнулся, сказал что-то, и толмач-булгарин перевёл: «Хан говорит, что такой великий воин должен ходить под его рукой, водить его полки! Хан даёт тебе, князь, тысячу воинов, чтобы ты вёл их к другому непокорному городу, добыл себе новую великую славу, а хану – великую добычу!»

Летопись донесла до нас ответные слова князя: «О глухое царство, оскверненное. Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хоть и нахожусь я в великой беде!» Мы можем только с горечью и состраданием представить, как пытали, мучали богатыря, но так и не смогли заставить служить, стать предателем и палачом своего народа. Многие вёрсты и дни орда влекла князя за собой, пытая и запугивая, но храбрец был непреклонен. А потом свершилось страшное... Предание рассказывает, что некий священник, отпевая и хороня погибших после того, как орда ушла, нашёл тело князя Василько, изуродованное пытками и обезглавленное, со слезами привёз его в Ростов княгине Марии.

И я с удивлением узнал, что эта невероятная женщина, истинно русская женщина, оставшись в этом горе вдовой с маленькими детьми, не впала в отчаяние, не растерялась, не дала унынию овладеть собой. Она вырастила детей – будущих князей Ростовских, но она же совершила огромный духовный подвиг: после монгольского погрома в русских городах прекратилось летописание – одни грамотеи погибли, другие попали в плен или бежали в глухие места, прячась от врагов. Княгиня сумела восстановить в Ростове первую после монгольского нашествия работу над летописью, и в этой летописи и был поставлен памятник её мужу-герою: под руководством княгини был введён в летопись рассказ о достойной жизни и мужественной смерти князя Василько.

И я был не просто удивлён – совершенно потрясён, когда оказалось, что Мария – дочь святого мученика князя Михаила Черниговского, того самого, который отказался в Орде перед ханом Батыем поклониться идолу и был казнён за стойкую веру православную мучительно и страшно – его забили живым до смерти вместе с верным боярином Фёдором, оставшимся разделить со своим князем все муки, и Мария, эта несчастная женщина, на которую обрушивалась одна трагедия за другой, потерявшая и мужа, и отца от рук хана, нашла в себе силы совершить невероятное: учёные считают, что именно Мария составила житие мученика за веру князя Михаила, наполненное не только горем и состраданием, но и восхищением своим великим отцом! Благодаря писательской работе княгини Марии имена ее отца и мужа стали символами патриотизма, мужества, бесстрашия князей и воинов – русских людей! Они вселяли веру в грядущее освобождение от захватчиков родной земли, а сама Мария оставила в этих документах великий памятник своей верной любви.

А я с великим удивлением узнал, что именно ростовская земля дала России выдающегося человека – святого Сергия Радонежского. Да, его детище – Троицкий монастырь, теперь Троицко-Сергиева лавра, но родина его, где прошло детство, где совершались знамения – Ростов! Значит, есть что-то особенное в этом крае, в этих людях, в этой природе, что привлекала она даже чужестранцев, а своим, коренным, давала несгибаемые силы, как князю Василько, или несгибаемую веру, как святому Сергию, который отринул богатый боярский терем, достаток и покой, чтобы уйти в лесную глушь, провести там в бесконечных трудах, молитве, духовном подвиге, в одиночестве и в размышлениях годы, чтобы полностью изменить себя, стать великим исповедником, молитвенником за русскую землю, наставником простым людям и великим князьям – и всё это дала Сергию именно родная ростовская земля!

Но с особенным удивлением я узнал, что Ростовская земля стала родной ещё одному необыкновенному человеку – царевичу Петру-ордынцу. Судьба его необыкновенна, как и судьба каждого, кто связывает свою жизнь с этим краем. Племянник хана, чингизид, то есть потомок Чингиз-хана, могучий и богатый юноша, живший в Орде, услышал однажды о духовном подвиге епископа ростовского Леонтия. Житие Леонтия повествует, как нёс он слово Божье в край язычников, как сопротивлялись ростовчане христианской проповеди, были верны Златому идолу, много раз грозили Леонтию смертью за то, что проповедник нашёл самый верный путь обращения язычников – Леонтий стал общаться с детьми,

открывал школы, учил и лечил – и был погублен язычниками, но не отступил от веры, от своего пути.

Этот рассказ слышал юноша-ордынец от ростовского епископа Кирилла, который был вызван в Орду, чтобы лечить сына хана. Молитвами (или своим лекарским искусством) Кирилл исцелил больного, а когда вернулся к себе в епархию, вместе с ним в Ростов приехал татарский юноша, который принял святое крещение, получил православное имя Пётр, а прозвище Царевич – ведь он потомок Чингиза! Вслед за ним потянулись в Ростов и другие татары, вскоре на свои средства Пётр поставил на берегу озера Неро монастырь в честь Петра и Павла, где стал позже игуменом, а в слободах вокруг Ростова густо селились переехавшие из Орды целыми родами татары – это был ещё один удивительный дар ростовчан: умение жить в мире со всеми, самыми разными людьми и народами! В благодарность за доброе отношение, дружелюбие и заботу Пётр-ордынец спас город от набега ордынцев, остановив татарский отряд, а Ростов стал местом, куда переезжали на жительство даже знатные ханы. Кто знает, может быть, и во мне гуляет капля татарской крови, ведь мои ростовские дед и прадед носили фамилию Балмасовы!

Может быть, уже в те далёкие времена ростовчане обладали тем, что сейчас именуют толерантностью? Именно это сказалось позже, когда в город стали привозить военнопленных немцев, а мой дедушка (совсем маленький) с другими мальчишками бегал смотреть на «проклятых фашистов», и оказалось, что никакие это не звери, а очень голодные, худые люди, радостно разговаривающие с мальчишками, показывающие фотографии своих «киндеров», охотно принимающие яблоки, которые ребята им таскали (хлеба и самим мало было, а вот яблок в Ростове всегда было вволю). А взамен немцы дарили самодельные безделушки, зажигалки, свистульки, модельки кораблей, и надо ли говорить, что через полгода половина Ростова играла на губных гармониках?

Так что же это за удивительная черта характера человека, необыкновенная особенность природы, пейзажа, самой земли, которая влекла к себе самых разных людей, делала этот край родным, близким, своим?

Я прочитал обращение самого молодого мэра в России, мэра Ростова Юрия Бойко: «В Ростове Великом открылась первая митрополичья кафедра в 991 году, первый монастырь Северо-Восточной Руси, Кафедральный собор во имя успения Богоматери впервые был построен здесь. Сергей Радонежский родился здесь, многие почитаемые святые трудились в

Творческий Интернет-проект, посвященный 1150-летию Ростова Великого

<http://rostov1150.edu.yar.ru/>

Номинация «Я с удивлением узнал, что...»

Возрастная категория 14-17 лет

нашем городе. Мы, обыватели, может, этого и не знаем, но на православной карте страны Ростов отмечен особо». Мне очень понравились его слова, когда он призвал сделать Ростов духовной столицей России, только я бы чуть поправил мэра: не сделать, а возродить этот статус – Ростов многие века отличался именно тем, что нёс культуру, духовность в глухие леса. Древнейшие монастыри – здесь! Библиотека, в XI веке насчитывающая тысячи рукописей – здесь! Первые школы для всех, даже для крестьянских детей, открытые Ярославом Мудрым – тоже здесь!

Когда мы ещё раз вернулись в осто́в совсем недавно, мы радостно поражались, я с удивлением узнал, что город преобразился: отреставрирован центр, бережно обновляются древние храмы, как-то по-новому выглядят улицы...

Я верю, что мой любимый Ростов, празднующий свой 1150-летний юбилей, возродит былую славу, действительно станет центром духовной культуры России.